

АНТРОПОЛОГИЯ ПОДВИГА. К 80-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

УДК 39+355(470).03

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/7-25

© *Е.С. Сенявская*

ФРОНТОВОЙ БЫТ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ

Фронтальная повседневность определяется автором как совокупность опасности боя и повседневности быта во всём многообразии их типичных и уникальных проявлений. В данной статье рассматриваются особенности фронтового быта Красной Армии в период Великой Отечественной войны на основе эго-документов (писем, дневников, мемуаров) и материалов «устной истории» – воспоминаний-интервью её участников, представителей разных родов войск и военных профессий, принадлежащих к рядовому, младшему и среднему командному составу. Показано, что от качества солдатского быта, его организации в экстремальных военных условиях во многом зависел моральный дух войск и их боеспособность, а недостаточное внимание к отдельным бытовым факторам негативно сказывалось на ходе боевых действий или приводило к неоправданно большим потерям. Изучение фронтовой повседневности, ее тяжести и противоречивости, через мироощущение и судьбы отдельных фронтовиков позволяет глубже понять «человеческий ракурс» новейшей военной истории, тот трудноуловимый субъективный фактор, который в экстремальных условиях войны мог неожиданно перевесить все факторы материальные и оказаться «последней каплей», склоняющей чашу весов в сторону побед или поражений.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, военная повседневность, психология комбатанта, фронтовой быт, экстремальная обстановка, устная история*

Ссылка при цитировании: *Сенявская Е.С. Фронтальной быт Великой Отечественной войны: структура и особенности // Вестник антропологии, 2021. № 2. С. 7–25.*

Повседневность как специальная область исторических исследований была обозначена и стала популярной сравнительно недавно, особенно в отечественной историографии. При этом военная повседневность, хотя и подчиняется общим закономерностям исторических исследований повседневности в целом, имеет свои особенности в качестве предмета изучения, определяемые экстремальностью со-

---

Сенявская Елена Спартаковна – д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (117292 Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19). Эл. почта: homobelli@mail.ru. ORCID 0000-0002-5425-4730

стояния общества, страны, народа в состоянии вооруженных конфликтов и особенно крупномасштабных войн (Сенявский, Сенявская 2010; Кринко, Тажидинова, Хлынина 2011; 2013). Еще большей спецификой отличается наиболее «экстремальная» часть военной повседневности – фронтовая повседневность (Сенявская 2001; 2009; Сенявский 2009; Сенявская, Сенявский, Жукова 2017), определяемая как совокупность опасности боя и повседневности быта во всем многообразии их типичных и уникальных проявлений.

Война формирует особый тип личности, особый тип психологии – психологию комбатанта¹, то есть непосредственного участника боевых действий. Это психология человека в экстремальных обстоятельствах войны, которую можно рассматривать как непрерывную череду пограничных ситуаций, бытие на грани жизни и смерти. Жизнь человека на войне насыщена пограничными ситуациями, сменяющимися друг друга и постепенно приобретающими значение постоянного фактора. При этом для рядового и командного состава характерны особенности психологии, связанные с разной степенью ответственности и риска. Имеет свою специфику и восприятие действительности представителями разных родов войск и военных профессий. Она определяется конкретной обстановкой и задачей каждого бойца и командира в бою, наиболее вероятным для него видом опасности, характером физических и нервных нагрузок, способом контакта с противником – ближний или дальний, взаимодействием с техникой (видом оружия), особенностями военного быта. Однако главный элемент “психологии войны” является общим для всех: экстремальные условия обостряют до предела человеческие чувства, вызывают необходимость принятия немедленных решений, предельной четкости и слаженности действий, необходимых для того, чтобы выжить, равно как и для выполнения боевой задачи.

Наряду с экстремальной боевой обстановкой, важнейшее влияние на психологию комбатантов оказывают специфические условия фронтового быта. «Характеризуя условия боя, нельзя упустить из виду и такую их особенность, как чрезвычайно ощутимые жизненные неудобства, – подчеркивал военный психолог Г.Д. Луков. – Зимой – это стужа, когда застывает смазка даже на тщательно протертом оружии, когда кусок хлеба становится тверже льда, а сырые валенки, замерзнув, ломаются на ходу, как будто они сделаны из очень хрупкого материала. Бывает и летом, когда бойцы изнывают от жары, от недостатка воды, от жгучего песка и удушливой пыли, ослепляющих бойца и затрудняющих ему дыхание. Нередки случаи в боевой обстановке, когда человек недосыпает, недоедает, живет и действует в неудовлетворительных санитарно-гигиенических условиях, не имеет нормального жилья и уюта, физически и нравственно устают, переутомляется и т.д.» (Луков 1960: 43–44). Все эти особенности военного быта неизбежно влияют на внутреннее состояние воина, которое сказывалось на его поведении в условиях боя.

---

¹ Комбатант (*combattant*) в переводе с французского означает *воин, боец, сражающийся*. Это термин международного права, обозначающий лиц, которые входят в состав регулярных вооруженных сил воюющих сторон и непосредственно участвуют в боевых действиях, а также тех, кто принадлежит к личному составу ополчений, добровольческих и партизанских отрядов, – при условии, что их возглавляет командир, что они имеют ясно видимый отличительный знак, открыто носят оружие и соблюдают законы и обычаи войны. (Советская военная энциклопедия 1977: 261; Военная энциклопедия 1999: 120). Следовательно, психология комбатантов – это психология человека на войне, вооруженного человека, принимающего непосредственное участие в боевых действиях.

Что же представляет собой фронтовой быт, какое место занимает он на войне и какова его структура? В понятие фронтового быта, или уклада повседневной жизни в боевой обстановке, входит выполнение служебных обязанностей (несение караульной службы, обслуживание боевой техники, забота о личном оружии, выполнение других работ, свойственных родам войск и военным профессиям), а также отдых и досуг, в том числе и организованный, т.е. всё то, что составляет распорядок дня. Основными составляющими фронтового быта являются также боевое снабжение и техническое обеспечение войск (оружием, боеприпасами, средствами защиты, передвижения, связи и т.п.), жилье, бытовое снабжение (продуктами питания и обмундированием), санитарно-гигиенические условия и медицинское обслуживание, денежное довольствие, а также связь с тылом (переписка с родными, посылки, шефская помощь, отпуска). Солдатский быт можно отнести к важным слагаемым победы и причинам поражения. От качества быта, его организации во многом зависят моральный дух войск и их боеспособность, а недостаточное внимание к отдельным бытовым факторам нередко негативно сказывались на ходе боевых действий или приводили к неоправданно большим потерям.

В 1990-е годы автор данной статьи проводила историко-социологическое исследование, записывая воспоминания-интервью участников Великой Отечественной войны, впоследствии размещённые на сайте «Я помню». В числе других респондентам задавались вопросы, связанные с особенностями фронтового быта: «Климатические условия: какие трудности были с ними связаны, как их переносили?»; «Как снабжалась армия (ваше формирование) на войне? Ваше отношение к «наркомовским 100 граммам» и офицерским допайкам?»; «Солдатский быт. Трудности. Забавные случаи»; «Минуты отдыха на войне. В каких условиях и сколько приходилось спать? Какие были развлечения? Какие песни пели?»; «Ранения, контузии, болезни. Кто и где оказывал вам медицинскую помощь? Что запомнилось из госпитальной жизни?» и др.

Следует отметить, что метод свободного интервью использовался для получения не столько фактической, сколько психологической информации, позволив определить круг вопросов, лично значимых для респондентов, выявить их отношение к проблемам опасности и быта на войне, высветить важные психологические аспекты фронтовой повседневности. При этом документы личного происхождения и материалы «устной истории» нередко не просто корректируют данные официальных источников, но и содержат прямо противоположную информацию и оценки, выявляя различия во взгляде на одно и то же явление или событие «с командных высот» и «из окопа».

Как и в других войнах, в Великую Отечественную особенности фронтового быта во многом зависели от природно-климатических условий, в которых приходилось воевать. Приведем для примера две крайности – юг и север. Вот как характеризует в своих военных записках одну из деталей жизни солдат на Кавказском фронте осенью 1942 г. писатель В. Закруткин: «Кусок хлеба, спрятанный в вещевом мешке, превращается в липкий клейстер. Затвор и ствол винтовки ржавеют. От мокрой шинели идет пар. Сапоги покрываются зеленью. Везде тебя настигает проклятый дождь, и всюду слышится смертельно надоевший звук чавкающей, хлюпающей, брызгающей грязи. На дне окопа – вода; в землянках – вода; куда ни прислонишься – мокро; к чему ни прикоснешься – грязь» (*Закруткин* 1950: 242). Другой ветеран, Ю.П. Шаратов описал суровые будни Карельского фронта: «По многу месяцев нередко длилась

на других фронтах позиционная война, но нигде, кроме Севера, не измерялась она годами. Вдосталь натерпелся наш солдат в дни войны в Заполярье, где морозы корежили землю, снег слепил глаза, где вода неотступно преследовала человека, и он радовался каждой сухой кочке; где набухшие от дождя болота проглатывали людей до пояса; где земля, белая и красная, тверда, как бетон; где речки – перешагнуть можно, но дна не достанешь; где на сотни верст ни живой души, только белки летают с ветки на ветку в разрывах между деревьями; где в летний полдень жарко, а в полночь не согреешься у костра; где в июне круглые сутки катится по горизонту громадный шар солнца, а небо нежно-зеленое, как лист салата, а в сентябре ночью такая темь, что абсолютно ничего не видно; где на целых полгода над землей нависает белесая мгла, из которой бесконечно сыплется снег...» (Шарапов 1985: 212–218).

Конечно, среди многих слагаемых солдатского быта одно из главных мест занимало вещевое довольствие. В Великую Отечественную был учтен печальный опыт недавней финской кампании, когда буквально вымерзали целые воинские части, и к началу первой военной зимы Красную Армию одели «по полной программе». «Выдавалось нам обмундирование – высший класс, – вспоминал бывший артиллерист, командир батареи С.В. Засухин. – Кальсоны, рубашка, теплое вязаное белье, гимнастерки суконные, ватники (на грудь и штаны-ватники), валенки с теплыми портянками, шапка-ушанка, варежки на меху. На ватники надевали полушубки. Через рукава полушубка пропускались меховые варежки – глубокие, с одним пальцем. Под ушанку надевались шерстяные подшлемники – только глаза были видны, и для рта маленькое отверстие. Все имели белые маскхалаты» (Комбату Засухину 1996). В такой одежде не страшно было жить даже в снегу, а именно так пришлось зимовать однополчанам Засухина в декабре 1941 – январе 1942 гг.: «Выкапывали лопаткой лунки метровой глубины. Туда наложишь еловых лапок, залезали вдвоем в берлогу, укрывались плащ-палаткой, дышали, и хоть бы хны» (Комбату Засухину 1996).

Другое мнение о качестве вещевого довольствия высказывал минометчик Н.А. Орлов: «Обмундированием нас обеспечивали плохо, часто ходили оборванцами. С убитых не брали вещей, примета плохая, редко кто отваживался... Зимой воевали в ватниках, только иногда шинель сверху оденешь. Вязанных подшлемников или свитеров никто не носил, это было бы излишней роскошью для наших «постоянных зачатых спутников» – вшей. Мы же месяцами не мылись и не раздевались. Прожаривали одежду на вошебойке, давили этих насекомых, но вши появлялись снова, доставляя нам дополнительные страдания» (Орлов Б.г.). Он же привел интересные подробности о ношении наград на передовой, что относится хотя и не к обмундированию, но к внешнему виду военнослужащих: «Награды носили кто как горазд. В пехоте старались вообще не вешать регалии на гимнастерки, чтобы блеск серебра не привлек немецкого снайпера. Нам от снайперов доставалось меньше, но все равно, был свой «патент». На гимнастерке делался надрез с левой стороны, из лоскута ткани пришивался внутренний карман. Колодки от медалей были видны на гимнастерках, а сами медали располагались в этих «карманах» на груди. Была для этого еще одна веская причина. Металлическое ушко у медалей было слабым и часто люди медали теряли. Оставалась только сиротливая колодка... Ордена с винтовым креплением некоторые в пехоте носили винтами наружу. Солдатам редко давали ордена, и у нас бойцы, скромностью не отличавшиеся, иногда могли нацепить орден Славы прямо на шинель, мол, смотрите, перед вами орденосец» (Орлов Б.г.).

Разведчик И.Л. Кобец считал, что обеспечение было вполне приличным, хотя и не без проблем: «Надо сказать, что на переднем крае одевали нас очень хорошо: теплое белье, ватные штаны, полушубки. Правда с обувью были проблемы – она быстро изнашивалась на камнях. Что касается камуфлированной одежды, то ее у нас не было. Впрочем, как и у немцев». При этом в разведке все «одинаково одевались – солдата от командира не отличишь» (Кобец Б.г.).

Что касается противника, то он сильно уступал нашим войскам в качестве обмундирования. «Немецкие солдаты и офицеры в сравнении с нами были одеты крайне легко, – рассказывал С.В. Засухин. – На ногах эрзац-сапоги, шинельки, пилотки. Когда брали пленных, они укутывались в шерстяные платки, обматывали ноги всевозможными тряпками, газетами, чтобы как-то уберечь себя от мороза. Немцы вызвали чувство сострадания» (Комбату Засухину 1996). Такая неподготовленность неприятеля к встрече с «генералом Морозом» объясняется гитлеровскими планами «молниеносной войны»: немцы рассчитывали расправиться с нами за две недели и справлять Рождество дома, потому и встретили русскую зиму в летнем обмундировании. Впрочем, и позднее, зимой 1942–1943 гг. под Сталинградом одеты они были немногим лучше и так же, как в сорок первом, укутывались в тряпки и женские платки, так и не сумев приспособиться к русскому климату.

Другая проблема фронтового быта, говоря языком интендантских служб, – квартирование. Как же обустроивали свои жилища советские бойцы? Безусловно, приоритетными на фронте были задачи выживания, а не удобства. По словам артиллериста П.В. Синюгина: «Чтобы выжить, нам землянка не нужна была. Землянка – это уже обширное помещение, два на два метра. Нам же хватало узенького ровика. Снаряд упадет, тебе ничего не сделает, осколки вверх полетят. Да еще в этом ровике делали подкоп, как мы называли, «лисью нору». Там один сидит, дежурит, остальные отдыхают, если боя нет» (Кринко 2010: 460).

Минометчик Н.А. Орлов вспоминал: «Мерзли, конечно, мы все время. Нечасто везло найти крышу над головой для ночлега. Это на формированиях или на отдыхе в тылу как-то устраивались, но когда воюешь... На голой земле спишь под проливным холодным осенним дождем, на снегу, в полузатопленной талой водой траншее, и так далее... С товарищем одну шинельку на землю постелим, другой укрываемся, вот и весь комфорт. Постоянный холод, сырость, мокрое обмундирование липнет к телу... К такому трудно привыкнуть. Вечная мечта – где-нибудь обогреться и обсохнуть» (Орлов Б.г.).

Ю.П. Шарапов рассказывал: «На передовой жили все вместе в какой-то землянке. Командир роты – немножко отдельно, за пологом из плащпалаток, а мы все вместе... В разведоте был барак, и все мы, сколько нас было в этой роте, человек 80-90, там жили... Трое были некурящие. А все остальные курили. Можете себе это представить... Там не только топор, там танк можно было повесить от этого самого дыма» (Шарапов-Антонов 1995).

Впрочем, в период обороны даже на передовой удавалось устроиться довольно уютно, обзавестись пусть временным, но “домом”. «Мы, артиллеристы, народ хлопотливый, как приехали на место, сразу зарываемся в землю, – писал 29 апреля 1942 г. брату заместитель политрука Ю.И. Каминский. – Вот сейчас мы построили хороший блиндаж. Устроен он так: снаружи ничего не видно – только труба торчит, вроде самоварной, и под землю ведет дырка – ступеньки земляные, на дверях

плащ-палатка. Внутри он выглядит так: проход, а по обеим сторонам нары, покрытые соломой и льдом, а поверх постланы плащ-палатки. В головах вещмешки. Над головой на гвозде котелок, каска, противогаз. Шинель по солдатскому обычаю обычно служит всем. Крыша состоит из трех рядов бревен, положенных друг на друга и пересыпанных землей. Такую крышу “в три наката” пробьет только тяжелый снаряд, да и то при прямом попадании. В блиндаже печурка – тепло. Лампа, сделанная из бутылки, дает свет и копоть. Спим рядышком, понятно – не раздеваясь, так как в любую минуту может прозвучать любимая команда “Расчет, к оружию!”» (МБС ИФ МГУ)

В ходе наступления, когда наши войска выбивали противника с укрепленных позиций, они имели возможность познакомиться и с его “жилищно-бытовыми условиями”, что приводило к неприятным последствиям. «Во время наступательного марша мы изредка в ночные часы использовали немецкие блиндажи, – вспоминал С.В. Засухин. – Надо сказать, немцы строили хорошие блиндажи. Стенки обкладывали березой. Красиво внутри было, как дома. На нары стелили солому. В этих-то блиндажах, на нашу беду, мы и заразились вшами. Видимо, блиндажный климат создавал благоприятные условия для размножения насекомых. Буквально в несколько дней каждый из нас ощутил на себе весь ужас наличия бесчисленных тварей на теле. В ночное время, когда представлялась возможность, разводили в 40-градусный мороз костры, снимали с себя буквально все и над огнем пытались стряхнуть вшей. Но через день-два насекомые снова размножились в том же количестве. Мучились так почти два месяца. Уже когда нам подвезли новую смену белья, мы полностью сожгли все шивовое обмундирование, выпарились в еще уцелевших крестьянских банях и потом вспоминали пережитое, как страшный сон» (Комбату *Засухину* 1996).

Во время войны всегда особенно остро встают проблемы, связанные с угрозой эпидемий. В Великую Отечественную санитарно-гигиеническому обеспечению действующей армии уделялось повышенное внимание, в чем проявился учет жестокого опыта Первой мировой и Гражданской войн, когда только сыпной тиф поразил, по разным подсчетам, от 10 до 25 млн. человек (*Мирский* 1991: 142). Так, 2 февраля 1942 г. Государственный комитет обороны принял специальное постановление «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной армии» (*Мирский* 1991: 143). В целях профилактики в тылу и на фронте регулярно осуществлялись мероприятия по санитарной обработке и дезинфекции, в армии активно действовала разветвленная противоэпидемическая служба. На разных этапах Великой Отечественной перед этой службой стояли различные задачи: в начале войны – не допустить проникновения инфекционных заболеваний из тыла в армию, а затем, после перехода наших войск в наступление и контактов с жителями освобожденных от оккупации районов, где свирепствовали эпидемии сыпного тифа и других опасных болезней, – уберечь тыл от проникновения заразы с фронта и от распространения ее среди гражданского населения. И, хотя случаи заболеваний в наступавших советских войсках, безусловно, имели место, эпидемий, благодаря усилиям медиков, удалось избежать. Что касается немецкой армии, то она в течение всей войны была источником распространения сыпного тифа и других инфекций. В одном из секретных приказов по 9-й армии (группа армий «Центр») от 15 декабря 1942 г. констатировалось: «В последнее время в районе армии количество заболевших сыпным тифом почти достигло количества раненых» (*Мирский* 1991: 155). Основными переносчиками сыпняка являются вши, а жилые помещения противника буквально кишели этими паразитами.

Первостепенное значение в структуре фронтового быта занимает снабжение армии продовольствием. Оно было очень разным – в разных условиях, на разных фронтах, на разных этапах войны...

Ю.П. Шарпов вспоминал: «С кормежкой было очень плохо зимой 1941–1942 года. В запасном полку вообще кормят по второй норме, это очень скромно. Потом январь, февраль, март, когда шли бои, нас кормили овсом, два раза в сутки. С утра этот овес был в виде каши, причем прямо вместе с шелухой, а вечером – суп, разведенный, жидель такой, с сухарями. Хлеба тогда давали мало. Потом стали давать грамм 700-800, а тогда давали грамм по 400. Но эти трудности были связаны с общей ситуацией зимой 1941–1942 года... А потом, когда я уже прижился в газете, там, конечно, и с питанием, и с обмундированием стало гораздо лучше... На передовой солдатский быт был, конечно, сложнее, скромнее...» (Шарпов-Антонов 1995).

29 апреля 1942 г. Ю.И. Каминский подробно расписал в письме к матери свое ежедневное «меню»: «Как меня кормят? Получаем утром завтрак – суп с мясом, крупой (или макаронами, или галушками), картошкой. Супу много, почти полный котелок. По утрам же привозят хлеб – 800-900 грамм в день, сахар, махорку или табак (я привык к махорке и курю ее охотнее, чем табак) и водку – сто грамм ежедневно. В обед снова появляется суп, бывает и каша. Ужин обычно состоит из хлеба, поджаренного на печке и посыпанного сахаром. Иногда к этому прибавляется колбаса – 100 грамм в обед и 30 утром. В годовщину Красной Армии у нас была и замечательная селедка, и колбаса, и пряники, и т.д. Теперь ждем Первого мая» (МБС ИФ МГУ).

Участник Сталинградской битвы Н.А. Тупыленко вспоминал, как на передовые позиции стрелковых подразделений еду возили по ночам, чтобы не попасть под артиллерийский обстрел противника: «Раз в сутки давали горячую пищу, и то ночью подвозили. Килограмм или девятьсот грамм хлеба дадут, каши котелок или полкотелка. Больше ничего – ни обедов, ни завтраков» (Кринко 2010: 466).

Минометчик Н.А. Орлов признавался: «Еда была однообразной: каша, суп из гороховых концентратов, изредка приправленный «ленд-лизовской» тушенкой. Если где-то коня убивало, то для нас это был весомый приварок. Хотя коней в бригаде почти не было. На формировках наш рацион оставлял желать лучшего, но до голода не доходило. Иногда, «по-тихому» картошки накопишь... Каждый берег в вещмешке кусок сала, сухари, и, если повезет, пару банок консервов. Для меня высшим лакомством на войне был кусок хлеба с насыпанным сверху на него сахарным американским песком. На сахарок воды чуть-чуть плеснешь и вкуснее этого «пирожного» ничего на свете нет. Крестьян мы не грабили, «экспроприациями» не занимались, но когда переходили на «подножный корм» или на «бабушкин аттестат» – всякое случалось. В Германии мы своим гастрономическим фантазиям дали волю, а до этого... На Днепре как-то трое суток ничего не ели, даже черного сухаря ни у кого не осталось. У убитого немца нашел плитку шоколада, поделили на два расчета, “шикарный” получился обед...» (Орлов Б.г.).

И.Л. Кобец на вопрос «Чем вас кормили?» ответил: «В основном – это каша. Были различные консервы: сначала наши, в основном рыбные, а затем и Ленд-Лизовские, мясные. В обед давали суп, кашу с консервами и чай или компот. Когда в разведку ходили, брали сухой паек – сухари, консервы, колбасы, сахар, масло. Шоколада не было» (Кобец Б.г.).

Офицер-танкист С.Л. Сенявский рассказывал, что когда осенью 1943 г. приехал на Карельский фронт, встретившие его офицеры части первым делом конфисковали у вновь прибывшего буханку черного хлеба, а его угощали белым, выпеченным из поставленной по Ленд-лизу американской муки. Этот хлеб быстро приедался, а «черняшка» почему-то была в дефиците (*Сенявский* 1986). Но такая ситуация была не на всём фронте. Д.Ф. Златкин, тоже воевавший в Карелии, вспоминал: «Мы получали только черный хлеб, белого мы никогда не видели, причем он был не выпечен как следует, сырой был, тяжелый, видимо, там была какая-то примесь, то ли кукуруза, то ли что-то другое, я не знаю. Хлеб был кислый, невкусный, но ничего не поделаешь, надо было есть... Основная еда у нас была треска...» (*Златкин* 1997). Вместе с тем, по его словам, снабжение «было бесперебойным»: «В армии было абсолютно всё: и завтрак, и обед, и ужин. И офицерский паёк мы получали: чекушку сиропа шиповникового (меняли его на водку, на табак, на что угодно), пакет печенья «Мария», масло грамм 200 я получал в месяц, сахар полкило на месяц, и консервы 3 банки – треска в масле или печёнка тресковая. Это был доппаек. Помимо того, что мы бесплатно ели три раза в день. Да, и большая пачка табака, очень большая пачка, или папиросы «Беломор». Мы все курили» (*Златкин* 1997).

Впрочем, многое из положенного солдату рациона по пути на передовую «прилипало к рукам» интендантов. Ю.П. Шарапов поведал такой случай: «Летом 1943 года, когда я работал в дивизионной газете, видимо, сверху была дана команда поинтересоваться, как кормят солдат. И мне мой редактор говорит: «Это по твоей части, сходи на передовую, поговори с ребятами». Я пошёл, поговорил в одном полку, в другом полку, потом поехал в тылы дивизии, посмотрел там, потом даже в тыл армии съездил. И была у нас напечатана довольно большая громкая корреспонденция. Называлась она «От склада до котелка». Я проследил весь путь. Это была бомба, которая рванула на весь фронт. Мало того, что в политотделе армии об этом заговорили и очень редактору ставили в заслугу: «О, какой газетчик принципиальный. В дивизионной газете поднимает вопрос, всё ли от склада доходит до котелка, до бойца на передовой...». Конечно, не всё. Конечно, по дороге происходят усушки и утруски – для всех этих тыловых крыс и для всякого командного состава... В общем, шуму было много. Очень много. Да и сам заголовок – не ради хвастовства скажу – был достаточно выразительный: «От склада до котелка». В духе того, что полагалось» (*Шарапов-Антонов* 1995).

А.З. Лебединцев вспоминал 450-километровый марш своего полка от Умани до Ботошанн в Румынии в самый разгар весенней распутицы 1944 г.: «Тогда мы забывали не только дни недели, но и где и когда ели в последний раз, ибо все кухни тогда отстали из-за взорванных мостов. Кормили нас по «бабушкиному аттестату» местные сердобольные хозяйки картофелем в мундире да квашеной капустой» (*Кринко* 2010: 462).

Особая ситуация с продовольственным обеспечением советских войск сложилась после перехода ими государственной границы. Вместо разоренной территории своей страны наши бойцы оказались в сытой и благополучной, несмотря на войну, Европе. 22 февраля 1945 г. Л. Шахпаронова писала подруге из Польши: «Питание у нас здесь улучшилось, так как немцы оставили много коров, свиней, картошки и т.д. Питаемся мы сейчас без всяких норм. Ещё один небольшой перегон и мы будем совсем около линии фронта, на пороге в Германию...» (ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 92.). 23 февраля 1945 г. В. Герасимова сообщала в письме родным: «Фриц бежит, все свое

бросает. Невольно вспоминается 41-й год. В квартирах все оставлено – шикарная обстановка, посуда и вещи. Наши солдаты теперь имеют право посылать посылки и они не теряются. Я уже писала, что мы были в барских домах, где жили немецкие бароны. Они бежали, оставляя все свое хозяйство. А мы питаемся и поправляемся за их счет. У нас нет недостатка ни в свинине, ни в пище, ни в сахаре. Мы уже заелись и нам не всё хочется кушать» (ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 94.).

Н.А. Орлов вспоминал: «В Германии мы своим гастрономическим фантазиям дали волю... Дома с роскошной, по нашим понятиям и представлениям, обстановкой. Огромные погреба, заставленные банками с провизией, солониной, компотами, вареньями... Еды в их запасниках было столько, что немцы ещё могли спокойно лет пять в блокаде просидеть, продолжая войну. Там мы себе отъели “ряшки”: в грузовиках, рядом с миномётами и боезапасом, размещались “взводные продуктовые склады”. Бесхозной скотины и живности было столько, что дошло до того, что некоторые подходили к свинье, стреляли в ухо из автомата, отрезали у убитой свинки ногу, поджаривали ее, а тушу бросали на месте. Но вскоре эта “лафа” закончилась, и мы опять перешли на русскую кашу с американской тушенкой» (Орлов Б.г.).

Еще один важный вопрос, касающийся бытовых условий на фронте, – употребление алкоголя личным составом. О том, что алкоголь оказывает разностороннее воздействие на организм и психику человека в сильнейшей стрессовой ситуации боевой обстановки, было известно давно, и факты его применения фиксируются во многих документах начала XX века. Однако первый и единственный опыт узаконенной на высшем военном и государственном уровне выдачи алкоголя в действующей армии относится к Великой Отечественной войне. Почти сразу после её начала спиртное было введено в ежедневное снабжение личного состава на передовой. В подписанном Сталиным постановлении ГКО СССР «О введении водки на снабжение в действующей Красной армии» от 22 августа 1941 г. говорилось: «Установить начиная с 1 сентября 1941 г. выдачу 40° водки в количестве 100 граммов в день на человека красноармейцам и начальствующему составу первой линии действующей армии» (ГКО постановляет... 1992: 23).

В воспоминаниях участников войны спиртное рассматривается не только как средство психологической разрядки в боевой обстановке, но и как незаменимое «лекарство» в условиях русских морозов. «Каждый день положены были сто наркомовских граммов водки, – вспоминал С.В. Засухин. – Но на самом деле выпадало больше... Наши интенданты имели всегда запас. И мы в батареях хранили “энзэ” [неприкосновенный запас] в термосах. Водка сопровождала все 24 часа. Без нее невозможно было, особенно зимой. Бомбежки, артобстрелы, танковые атаки так на психику действовали, что водкой и спасались. И ещё куревом» (Комбату Засухину... 1996).

«На переднем крае каждый день выдавали сто грамм, – рассказывал Д.Ф. Златкин. – Там еще был уговор: ну что пить 100 грамм, ничего не даёт, 200 – это ещё ладно. Так мы договаривались: “Ты сегодня не пьёшь, отдаёшь мне свою норму, а через день я тебе отдаю свою, ты пьёшь 200 грамм”. Ну, от 200 грамм не пьянели...» (Златкин 1997)

Похожую ситуацию описал Ю.П. Шарапов: «Были у нас “наркомовские 100 грамм”. Но когда мы были в разведке, мы их каждый день не пили, а сливали во фляжки. Во фляжку входит 800 грамм. Она висит у тебя в головах, на гвозде. Старшина тебе выдаёт, ты берёшь фляжку и туда наливаешь. И вот она полная. Тогда все собирались и пе-

ред обедом пили. И это, конечно, уже не по 100 грамм, тут, может, и по 200, и сколько там во фляжке оставалось... Так что было по-разному. И, конечно, когда обморозишься, промёрзнешь, выпивали, чтобы согреться...» (*Шарапов-Антонов 1995*)

Разведчик И.Л. Кобец вспоминал: «Спирт давали, но только непосредственным участникам боёв, каждый день 100 грамм. Потом были спиртовки – смесь стеарина и спирта, так вот спирт отжимали. Но в разведку я никогда водку не брал. Во-первых, с запасом надо брать, а выдавали-то только в этот же день вечером. Потом если взять с запасом – его тут же выпьют, а пьяный будет либо ранен, либо убит – это без вопросов. У меня мой друг так погиб... Он был на НП [наблюдательном пункте], когда его разведчики были в поиске. Что-то он там выпил, стал смелый, и они уже тащили пленного, а он пошел им навстречу. Зимой без маскхалата! Ну, и немцы, конечно, его убили. Может, если лишнего не выпил бы, и жив остался. Никогда перед боем не пили! После боя – да! Если успешный поиск, то сам командир полка и спирт поставит, и еды дополнительно даст, и рядом за стол сядет» (*Кобец Б.г.*).

Л.Н. Пушкарёв (непьющий и некурящий – редкий на фронте случай!) вспоминал: «Надо сказать, что иногда были перебои с обеспечением, но это было вызвано обстановкой. Так, в общем-то нам еды хватало. И хлеба хватало, и водку нам выдавали, эти сто грамм. Я не пил и не курил на войне, всю войну. Водку, которую получал, я сливал в баклажку и носил при себе. И обтирался этой водкой, потому что вши мучили нас. Бань не было. И солдаты исходили слюной, когда видели, как я трачу эту самую драгоценную жидкость. Что касается табака, то я его тоже получал, но, по взаимной договоренности, менял на сахар среди своих товарищей, которые с удовольствием отказывались от сахара из-за лишней порции махорки» (*Пушкарёв 1997*).

Немцы тоже широко пользовались спиртным, причем среди захваченных у них трофеев встречался не только шнапс, но и французские вина, а на дальневосточном театре военных действий обязательным атрибутом японских солдат-смертников была бутылка с рисовой водкой – сакэ (*Кривель 1985: 125*). Кстати, во время Великой Отечественной единственными объектами, которые немцы сознательно не уничтожали при отступлении, рассчитывая на массовое спаивание наступавших советских войск, были винные склады и спирто-водочные заводы.

Время от времени в письмах и дневниках упоминается денежное довольствие. Как правило, в том смысле, что на фронте деньги не нужны и аттестат отправляется в тыл семьям. Так, 7 апреля 1942 г. Ю.И. Каминский писал матери: «Мамочка, ты меня прости, но я очень долго смеялся, когда прочёл насчёт денег. Во-первых, я их получаю (жалованье – 150 рублей), во-вторых, делать здесь с ними абсолютно нечего, поскольку всё, что здесь есть, либо даётся даром, либо не даётся вообще, и ни за какие деньги этого не получишь. В-третьих, я сам недавно послал домой деньги, ты их, наверное, скоро получишь. Всё это вместе очень смешно» (*МБС ИФ МГУ*).

Люди семейные отправляли свой денежный аттестат жене и детям, холостяки – родителям или невесте, а кто-то просто случайной знакомой. Ценность денег на фронте теряла всякий смысл. «Бойцы были относительно свободны от забот о материальной стороне жизни. Стремясь успокоить близких, многие из них подчеркивали в письмах, что сыты, обуты и одеты» (*Тажидинова 2010: 495*). «Будничная вещественность войны» (*Алексиевич 1985: 101*) была совершенно особой: на фронте ценились простые и незатейливые вещи, в мирной жизни абсолютно незаметные (котелок, ложка, нож, бритва, лопатка и т.п.), а то, что тогда считалось роскошью,

наоборот, утрачивало какую бы то ни было ценность. И «денежный эквивалент» не имел к этому никакого отношения.

Кроме того, война обесценила деньги и в тылу тоже: карточная система, нехватка продовольствия, распространённый натуральный обмен, когда вещи (одежда, обувь, предметы домашнего обихода и т.д.), нажитые до войны, легко менялись на продукты и давали «выигрыш во времени» – возможность прокормиться и «протянуть» ещё пару дней, неделю, месяц. Зная из писем родных и из собственных наблюдений за жизнью гражданского населения, как трудно прокормиться их семьям во время войны, фронтовики часто сетовали на то, что «ничем, кроме как деньгами», помочь не могут и советовали продавать и обменивать на продукты абсолютно любые вещи, особенно принадлежащие лично им («Не жалеи! Не береги! Продавай!»), мотивируя это тем, что главное сейчас – продержаться, выжить, сохранить силы и здоровье, а там, после войны, «если вернусь, всё будет, всё наживем» (Тажидинова 2010: 494-496).

22 февраля 1945 г. В.Н. Моргунова писала матери: «Живы будем, уже скоро вернемся к тебе, наша родная старушка, ты только жди и не плачь, береги себя, ничего не жалеи, поддерживай себя в питании. Прошу тебя, если что есть моё, продай, только кушай, это самое главное. Живы будем, всё будет, а то ты всё, наверное, жалеешь. Не в тряпках счастье, они будут, если останемся живы...» (ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 89.). При этом сами про себя фронтовики рассуждали так: меня в любой момент могут убить, зачем же близким отказывать себе в самом необходимом, сохраняя какие-то тряпки, которые мне уже могут и не понадобиться. Пренебрежительные высказывания о вещах – мелочь, тряпки, дрянь, барахло – встречались очень часто. «Мелочность быта произвольно отторгалась теми, кто ежедневно переживал смертельную опасность» (Тажидинова 2010: 496).

Лишь в конце войны, когда армия воевала уже на территории других стран, включая Германию, интерес к вещам вновь проснулся, выразившись в «трофейно-почтовой лихорадке», но при этом «нажиться» и «обогатиться» стремились всё же немногие, в основном «тыловики и обозники». Большинство старалось просто поддержать в тылу свои семьи, высылая в разорённые города и села необходимые в быту мелочи, чтобы хоть как-то возместить понесённые в связи с войной потери или дать возможность близким обменять присланное на те же продукты.

Война войной, но иногда выпали и минуты отдыха. И первое, что делал в таких случаях солдат, – старался элементарно выспаться. Н.А. Орлов рассказывал: «Очень серьёзной проблемой для нас являлось постоянное недосыпание и физическая усталость. Не спишь иногда по двое суток, да каждый день пеший переход километров на восемьдесят... Даже для молодого организма это невыносимая пытка» (Орлов Б.г.). «В каких условиях и сколько приходилось спать? Да по-разному, – вспоминал Л.Н. Пушкарёв, – Это зависит от человека. Были люди, которые могли спать в любых условиях. Выделится время свободное – он ложится и спит... Многие спали впрок, потому что знали, что будут такие условия, когда спать нельзя будет» (Пушкарёв 1997). И действительно, иногда в боевой или походной обстановке отдыхать не приходилось по несколько суток, и усталость людей была столь велика, что многие бойцы приучались спать на ходу, прямо на марше.

Бывали на фронте и нехитрые развлечения. Чаще всего под гитару или гармонь звучала душевная песня. «Минуты отдыха, конечно, были, что там говорить, – рассказывал Ю.П. Шарапов. – Рассказы бесконечные, воспоминания... На фронте, на

передовой больше пели, особенно в закрытых землянках. Какие песни пели? Какие знали, довоенные, – ведь радио не было, в газетах печатали редко...» (*Шарапов-Антонов* 1995). Но и новые, рождённые в войну песни, доходили до солдат. По свидетельству К. Симонова, на разных этапах войны имели распространение те из них, которые более точно отражали настроения людей в связи с изменением положения на фронтах: в сорок первом это было «Напрасно старушка ждет сына домой...», в сорок втором – «Землянка», в сорок третьем – «Тёмная ночь», в сорок четвёртом – сорок пятом – «Хороша страна Болгария...», «Эх, кабы дожить бы до свадьбы-женитьбы...» и т.п. (*Песков* 1979: 164). И, разумеется, из уст в уста передавался богатый фронтовой фольклор.

По существу, фронтовой фольклор – это песенная летопись войны. В ней, как в зеркале, отразились мысли и чувства людей, их боль и надежда. Были песни «официальные», одобренные на высоком уровне, звучавшие в концертах и по радио. Были и другие, – не вписывавшиеся своей сермяжной правдой в систему агитации и пропаганды, зачастую спорящие с ней. Их пели в землянках в минуты затишья, переписывали в блокноты, посылали в письмах домой, инвалиды исполняли их в поездах. Они разлетались по всей стране столь же быстро, как их знаменитые и обласканные собратья. Устное народное творчество очень быстро откликалось на малейшие оттенки настроений людей, и непопулярные в средствах массовой информации темы предчувствия смерти, тоски по дому, осуждения женской неверности занимали в нём весьма значительное место, – такое же, как и в самой жизни фронтовиков.

Одно из самых интересных явлений в развитии фольклора военных лет – изменение старых песенных текстов, приспособление их к новым условиям. Распространена была замена отдельных строк и куплетов в русских народных, казачьих, старых солдатских и популярных песнях советских авторов («Варяг», «Коногон», «Раскинулось море широко», «Черный ворон»; «За курганом пики блещут», «Любо, братцы, любо»; «Каховка», «По долинам и по взгорьям», «Там вдали за рекой»; «Три танкиста», «Любимый город», «Катюша», «Синий платочек», «Землянка», «Огонек», «Тёмная ночь», «Моя любимая» и др.). Часто сочинялись стихи на известные мелодии любимых песен. Известно множество вариантов стихотворных текстов на одну и ту же мелодию. Так, различные варианты шахтёрской песни «Коногон» («Нас извлекут из-под обломков») бытовали у представителей разных родов войск, при этом у танкистов, лётчиков, моряков, артиллеристов при сохранении основы сюжета – гибели героя песни и описания горя его родных после получения известия об этом, сама сцена гибели каждый раз приводится в соответствие с реальными боевыми условиями, в которых данному роду войск приходилось действовать¹.

Упоминают ветераны и кинопросмотры (как правило, на отдыхе в ближнем тылу, где существовало какое-то подобие клуба, и в госпиталях – для персонала и легкораненых). Настоящим праздником становился приезд артистов фронтовых бригад, выступавших с концертами перед бойцами. И не было более благодарных зрителей, чем солдаты, которым вскоре предстояло идти в бой. Ю.П. Шарапов вспоминал: «Однажды приехал квартет знаменитый – то ли Бородинский, то ли еще какой-то знаменитый квартет музыкальный. А холод был собачий в бараке, и у одного инструмента –

¹ Наиболее известным является вариант «танковый» этой песни из повести Виктора Курочкина «На войне как на войне». Несколько других версий опубликовано в книге: (Незабываемые годы 1985: 74–76).

не то у виолончели, не то у скрипки – лопнула струна. Но музыкант мужественно доиграл до конца, без лопнувшей струны, не сфальшивив... Я сам слышал...» (Шарапов-Антонов 1997). В дневнике Г.Ф. Денисенко встречается несколько коротких упоминаний о фронтовых концертах, проходивших в непосредственной близости от переднего края, причём речь идёт не только о профессиональных артистах, но и о солдатской самодеятельности: «11 мая 1942 г. Вчера был на концерте, проходившем на открытой эстраде. Обычные армейские номера: песни, баян, пляски, рассказы... 29 июня 1942 г. Сегодня мины рвутся совсем близко. После обеда пошёл на концерт. Его дают любители для батальона. Пошёл из любопытства. Оказывается, при дивизии открывается клуб, знакомая лесная полянка, у которой так часто приходилось ходить за продуктами. Все свои красноармейцы. Человек 70, к концу более 100... Начало концерта прервалось близким разрывом мины. Хлопанье мин сопровождало все номера концерта. Артисты понравились непосредственным захватом, но они не готовились, и всё было сделано крайне небрежно. Обычные номера пения и пляски. Политические частушки. Украинские песни. Три баяна и одна гитара... 31 августа 1942 г. Бегая в целях устройства бани, был на концерте. В лесу среди густых елей – маленькая эстрада и перед ней, как перед фотоаппаратом, зрители в несколько ярусов. Попурри русских и украинских песен и т.п. ... 2 мая 1944 г. Концерт в чистом поле. Пасмурно. Холод. Ветер. Временами срывается снег. Гармонь, скрипка, пение, пляска, чтение шутки конферансье. Ну, какие тут условия для концерта? И тем не менее, это было лучшее, что мне приходилось видеть в этом роде на фронте – фронтовой концерт у старой польской границы» (Денисенко Б.г.).

А вот Н.А. Орлову видеть фронтовые артистические бригады не доводилось. «Такой роскоши нам не досталось, – рассказывал он. – Несколько раз за войну я видел кино. В штабе бригады была кинопередвижка. Случайно один раз туда попал, и как раз на киносеанс для наших тыловиков. Показывали американскую комедию. Название картины, если верно помню – “Джон из динки-джаза”. “Киноманами” мы стали в городе Лигниц. Зима сорок пятого. Ворвались мы туда внезапно, под вечер. Нас не ожидали, до линии фронта была добрая сотня километров. Немцы спокойно пили пиво, заходили в кинотеатр на центральной площади. И тут батальон советских танков и минбат на машинах!.. Мотострелков с нами не было. У немцев поднялась дикая паника, сопротивления почти не оказывали. Мы зашли в опустевший кинозал, киномеханик сбежать не успел. Так и посмотрели хит тех времен, фильм “Девушка моей мечты” на немецком языке. Пока мы там сутки стояли, ещё несколько картин посмотрели. “Соскучились” по искусству. А потом снова вперёд!.. Что ещё вспомнить про “культурный досуг” на фронте? Газеты нам замполит в роту приносил. Но в основном, для нас, воевавших на передовой, “музы молчали”...» (Орлов Б.г.).

Как же еще отдыхали на фронте? Травили на привале анекдоты, рассказывали байки, разряжая атмосферу взрывами хохота, особенно если в подразделении оказывался весельчак и балагур, свой собственный Василий Тёркин. Читали изредка доходившие до окопов газеты и боевые листки, правда, вскоре после прочтения пуская драгоценную бумагу на самокрутки... Офицеры из числа интеллигенции и бойцы с высшим образованием пишут иногда о чтении книг, которые удалось раздобыть (опять же – не в окопах, а на отдыхе, да и нечастые это были случаи, если не считать политработников разного уровня, газетчиков, переводчиков, которым чтение было необходимо по роду занятий и долгу службы). Кто-то играл в шахматы

(нашел в развалинах и вспомнил довоенную жизнь). Кто-то разжился патефоном и парой пластинок, которые стали величайшей ценностью и заигрывались до полного износа. Кто-то берёт как зеницу ока старенький музыкальный инструмент. Кто-то дрессировал подобранного в сторевшем селе щенка, ставшего любимцем и талисманом взвода... Индивидуальный опыт отдыха и способов разгрузки сознания от накопившегося нервного напряжения был весьма разнообразен.

Важнейшую роль для солдата на фронте имела связь с тылом, и в первую очередь – переписка с родными и близкими.

«Дорогой мой папа! – писал 1 ноября 1944 г. отцу лейтенант-танкист С.Л. Сенявский. – ...Здесь для меня нет и не может быть большей радости, чем получать от тебя письма, а из этого сделай вывод, как радостно, если ты часто пишешь. Я надеюсь, что и в дальнейшем ты не заставишь меня лишиться этой единственной радости. Есть, конечно, другая радость: это радость победы, но это уже не только личная, а общая наша радость...» (*Сенявский 1944*)

Почти в каждом фронтовом письме встречаются слова о том, как радостно получать солдату весточку из дома, как поддерживает она его душевные силы, помогает и ободряет в бою. Не случайно самые трогательные образцы фронтовой лирики и песен военных лет – «Жди меня», «Тёмная ночь», «В землянке», «Огонёк» – посвящены письмам любимых или сами написаны в жанре письма.

Но не все фронтовики получали письма из дома: семьи многих остались на оккупированной врагом территории, и их судьба была неизвестна. И тогда, чтобы боец не чувствовал себя одиноким, над ним брали шефство незнакомые люди, живущие в тылу. Присылали посылки и письма, приезжали с подарками на фронт. «Дорогой фронтовик, наша бригада шлет тебе комсомольский привет...»; «Дяденька солдат, эти вареники я связала для тебя сама...»; «Здравствуй, незнакомый боец! Пишет тебе девушка из далекой Сибири...» Страна щедро делилась своим душевным теплом с теми, кто её защищал.

Значительную группу составляли записки незнакомым бойцам и командирам. Упоминание об этом мы находим у поэта-фронтовика Давида Самойлова: «В войну часто переписывались незнакомые одинокие люди – солдаты, оставившие семью в оккупации, с девушками, заброшенными эвакуацией на Урал или в Сибирь. Девушек этих звали «заочницы». Порой такая переписка заканчивалась свадьбой» (*Самойлов 1990: 69*). Иначе оценивает это явление Г.Ф. Денисенко: «Большое распространение на фронте имела переписка с незнакомыми женщинами. Я был в корне против этого. Жизнь научила меня не создавать иллюзий, за них приходится дорого платить. Некоторые, как, например, командир взвода лейтенант Рачковский, сразу переписывались с несколькими женщинами. Некоторые серьёзно увлекались этим, обменивались фотографиями, ездили к своим заочным знакомым во время отпуска» (Денисенко Б.Г.).

Наконец, Д.Ф. Златкин поделился личным опытом подобной переписки: «Самым главным талисманом служили фотографии девушек, которые посылались на фронт. Я получил однажды такое письмо: «Солдату, не получающему ни от кого писем». А я не получал ни от кого писем, у меня родители были потеряны тогда. И я ей ответил. У меня есть её фотография, по сей день ещё [храню] в альбоме. Она молодая девочка, работала на заводе. Всё в таких тонах патриотизма писала, что она для нас готовит вооружение, что она оружейница, что ей шестнадцать, семнадцатый год. А мне было уже 30 лет. Разница была колоссальная, мне казалось. И я написал, что

я старше тебя. Она говорит: «Я не верю, вы меня обманываете. Я получила вашу фотографию. Вы такой красивый, такой чудный человек. Приезжайте ко мне, мы с вами поженимся, создадим семью...» Вот такие были письма и фотографии. Единственное тёплое слово, которое получил – не от товарища, с которым ты рядом, а от тех людей, которые вдалеке тебе помогают, тебе сочувствуют...» (Златкин 1997).

Фронтовые письма являются, пожалуй, самыми уникальными и искренними свидетельствами того времени. Мысли и чувства разных людей были так близки, так совпадали их мечты и надежды, такое было духовное родство у товарищей по оружию, что и чужие письма (сугубо личные!) воспринимались как свои собственные. И тот, кто чувствовал, что сам не сумеет живо и образно передать свое душевное состояние в строчках письма, заимствовал слова у другого. Наиболее яркие письма переписывались и распространялись наравне с полюбившимися песнями. Заменялись лишь адреса и имена, да некоторые детали¹. В воинских частях часто бывали случаи, когда бойцы, хорошо владевшие слогом, писали письма по просьбе менее грамотных товарищей, по-своему излагая их мысли. Об этом свидетельствует в воспоминаниях Давид Самойлов, упоминая о существовании такого явления, как «солдатские писемники» (Самойлов 1990: 70).

«Летописью боя» и «хроникой чувств» назвал в своих стихах фронтовые письма поэт Иосиф Уткин. Но главное, подчеркивая искренность этих документов, многие фронтовики уже тогда считали, что в будущем именно по ним следует сверять свои душевные качества, чтобы поддерживать их на той нравственной высоте, которую достигли на войне, потому что под пулями не лгут, не лицемерят, не думают о том, как бы покрасивее высказаться. «Кончится война, и совсем небезынтересно будет прочитать все эти письма, полученные на фронте, – писал 22 апреля 1943 г. пулеметчик Василий Пластинин. – И по ним сверить свою жизнь и жизнь своих друзей. Ведь сегодняшние дни, а теперь уже годы войны отличает невероятная людская искренность, что ли, обнаженные чувства, отсутствие фальши в отношениях между товарищами. И если кого-нибудь из них я увижу изменившимся, я предъявлю ему его собственное письмо и скажу: “Смотри, каким ты был!”» (Борисов 1987: 126).

Длительность Великой Отечественной войны, составившая почти четыре календарных года, обусловила широкое разнообразие в ведении боевых действий от высокой мобильности до длительной позиционности на разных этапах и на разных фронтах, чередование оборонительных и наступательных действий, изменение характера войны от преимущественно оборонительного на первых её этапах к активно наступательному на завершающих, от ведения войны на своей территории – к переносу ее на чужую к концу войны, причем как на земли оккупированных противником стран, так и на собственно вражескую территорию Германии и её союзников. Всё это, безусловно, влияло на фронтовую повседневность участников боевых действий, их экзистенциальный военный опыт.

¹ Так, в Центральном Музее Вооруженных Сил в Москве (ЦМ ВС РФ. 4/67082/3080/1-2) хранятся предсмертные письма старшего лейтенанта Александра Набоки к матери и жене. В сборнике «Говорят погибшие герои» (1986: 333-334) эти же письма – к матери и невесте – подписаны именем красноармейца Олега Нечитовского. Письма О. Нечитовского были опубликованы после его гибели в газете «Комсомольская правда» 6 августа 1944 г., то есть на несколько месяцев раньше, чем погиб Александр Набока. Факт удивительный, но закономерный. И можно ли считать заимствованные слова «чужими» для человека, который пал смертью храбрых, как и их автор, и своей судьбой подтвердил и это письмо, и эти слова?

Война была такой долгой, что родила свой быт, психологию, строй чувств. Понять эту «психологию войны» можно только через мироощущение и судьбы отдельных её участников, находя истину «на скрещении разных точек зрения». Изучение фронтовой повседневности во всем её многообразии и противоречивости позволяет глубже понять «человеческий ракурс» новейшей военной истории, тот трудноуловимый субъективный фактор, который в экстремальных условиях войны мог неожиданно перевесить все факторы материальные и оказаться «последней каплей», склоняющей чашу весов в сторону побед или поражений.

Источники и материалы

- Алексиевич* 1985 – *Алексиевич С.* У войны – не женское лицо. Минск: Мастацкая літаратура, 1985.
- Борисов* 1987 – *Борисов А.* Встреча с погибшим другом. М.: Молодая гвардия, 1987.
- Военная энциклопедия 1999 – Военная энциклопедия. В 8-ми т. Т. 4. М.: Военное издательство, 1999. С. 120.
- ГКО постановляет 1992 – ГКО постановляет... // Военно-исторический журнал. (ВИЖ). 1992. № 4-5. С. 23.
- Говорят погибшие герои 1986 – Говорят погибшие герои. Предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков. 1941-1945. М.: Издательство политической литературы, 1986.
- Денисенко* Б.г. – *Денисенко Григорий Федорович* (30.10.1897 – 27.11.1973). Дневниковые записки пожилого солдата. Б.г. // Личный архив Е.С. Сенявской.
- Закруткин* 1950 – *Закруткин В.* Кавказские записки. 1942-1944. Симферополь: Крымиздат, 1950.
- Златкин* 1997 – *Златкин Даниил Фёдорович.* Интервью. 16.06.1997 г. // Личный архив Е.С. Сенявской; Сайт «Я помню»: <https://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/zlatkin-daniil-fedorovich>.
- Кобец* Б.г. – *Кобец Иван Лукич.* Интервью. Б.г. // Сайт «Я помню»: <https://iremember.ru/memoirs/razvedchiki/kobets-ivan-lukich>.
- Комбату 1996 – Комбату *Засухину* помогли на войне вера в Сталина, водка и теплые кальсоны // Комсомольская правда. 1996. 14 декабря.
- Кривель* 1985 – *Кривель А.М.* Это было на Хингане. М.: Политиздат, 1985.
- Мирский* 1991 – *Мирский М.Б.* Обязаны жизнью. М.: Политиздат, 1991.
- МБС ИФ МГУ – Музей боевой славы Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (МБС ИФ МГУ). Личный фонд Ю.И. Каминского.
- Незабываемые годы 1985 – Незабываемые годы. Русский песенный фольклор Великой Отечественной войны. М.: Советский композитор, 1985.
- Орлов* Б.г. – *Орлов Наум Аронович.* Интервью. Б.г. // Сайт «Я помню». <https://iremember.ru/memoirs/minometchiki/orlov-naum-aronovich>.
- Песков* 1979 – *Песков В.* Война и люди. М.: Молодая гвардия, 1979.
- Пушкарев* 1997 – *Пушкарев Лев Никитич.* Интервью. 04.06.1997 г. // Личный архив Е.С. Сенявской; Сайт «Я помню»: <https://iremember.ru/memoirs/drugie-voyska/pushkarev-lev-nikitich>.
- Самойлов* 1990 – *Самойлов Д.* Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. № 1–2.
- Сенявский* 1986 – *Сенявский Спартак Леонидович.* Лейтенантские мемуары. 1986 // Личный архив Е.С.Сенявской.
- Сенявский* 1944 – *Сенявский Спартак Леонидович.* Фронтовые письма. 1944 // Личный архив Е.С. Сенявской.
- Советская военная энциклопедия 1977 – Советская военная энциклопедия. В 8-ми т. Т. 4. М.: Военное издательство, 1977. С. 261.

Шарапов-Антонов 1995 – Шарапов-Антонов Юрий Павлович. Интервью. 07.05.1995 г. // Личный архив Е.С.Сенявской; Сайт «Я помню»: <https://iremember.ru/memoirs/pulemetchiki/sharapov-antonov-uriy-pavlovich>.

Шарапов 1985 – Шарапов Ю.П. На правом фланге войны // В годы войны. Статьи и очерки. М.: Наука, 1985. С. 212–218.

ЦАМО РФ – Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76.

ЦМ ВС РФ – Центральный музей Вооруженных Сил РФ (ЦМ ВС РФ). 4/67082/3080/1-2.

Научная литература

Кринко Е.Ф. Пространство и время в воспоминаниях и письмах участников Великой Отечественной войны // Проблемы российской истории. Вып. X. М.-Магнитогорск: Магнитогорский государственный университет, 2010. С. 456–470.

Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011.

Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945 гг.). Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013.

Луков Г.Д. Психология. (Очерки по вопросам обучения и воспитания советских воинов). М.: Воениздат, 1960.

Сенявская Е.С. Повседневность российской армии в войнах XX века: понятие, структура и психология фронтového быта // Человек в российской повседневности. Сб. стат. М.: МГУС, 2001.

Сенявская Е.С. Повседневность фронтového быта русской армии в войнах XX в. // Военный фактор в российской истории в XVIII – XX веках: сб. статей междунар. научн. конфер. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2009. С. 11–17.

Сенявская Е.С., Сенявский А.С., Жукова Л.В. Человек и фронтová повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии. М.: ИРИ РАН; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.

Сенявский А.С. Фронтová повседневность в XX в.: теоретико-методологические проблемы // Военный фактор в российской истории в XVIII – XX веках: сб. статей междунар. научн. конфер. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2009. С. 3–7.

Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // 65 лет Великой Победы: в 6 т. М.: МГИМО-Университет, 2010. Т. 3. Победа. С. 197–211.

Тажидинова И.Г. Ценность вещей: измерение военного времени // Проблемы российской истории. Вып. X. М.-Магнитогорск: Магнитогорский государственный университет, 2010. С. 487–504.

Senyavskaya, Elena S.

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/7-25

Front-line Life of the Great Patriotic War: Structure and Specifics

Front-line life is a combination of the danger of battle and everyday life in all the variety of their typical and unique manifestations. This article examines the specifics of the front-line life of the Red Army during the Great Patriotic War based on ego-documents (letters, diaries, memoirs) and on “oral history” – memoirs-interviews of its participants belonging to the armed forces and military professions of the rank-and-file and the command staff. It is shown that the morale of the troops and their fighting capacity largely depended on the quality of the soldier’s life, its organization in extreme military conditions. Insufficient

attention to certain household factors negatively affected the course of hostilities or led to unjustifiably large losses. The study of the front-line everyday life in all its diversity and controversy through the eyes and the fates of individual front-line soldiers allows us to better understand the “human perspective” of recent military history, the elusive subjective factor that in extreme conditions could unexpectedly outweigh all material factors and turn out to be the “last straw” that tips the scales in favor of victories or defeats.

Keywords: *The Great Patriotic War, military everyday life, combatant psychology, front-line life, extreme conditions, oral history*

For Citation: Senyavskaya, E.S. 2021. Front-line life of the Great Patriotic War: structure and specifics. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 7–25.

Author Info:

Senyavskaya, Elena Spartakovna – Doctor of Hist., Professor, Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dmitry Ulyanov str., Moscow, 117292). E-mail: homobelli@mail.ru. ORCID 0000-0002-5425-4730

References

- Krinko, E.F. 2010. Prostranstvo i vremya v vospominaniyakh i pismakh uchastnikov Velikoy Otechestvennoy voyny [Space and time in the memoirs and letters of the participants of the Great Patriotic War]. In: *Problemy rossiyskoy istorii*. Vol. X, 456–470. Moscow-Magnitogorsk: Magnitogorskiy gosudarstvennyy universitet.
- Krinko, E.F., Tazhidinova, I.G., Khlynina, T.P. 2011. Povsednevnyy mir sovetskogo cheloveka 1920-1940-kh gg.: zhizn v usloviyakh sotsialnykh transformatsiy [The Everyday World of the Soviet Man of the 1920s-1940s: Life in the Conditions of Social Transformations]. Rostov na Donu: Izdatel'stvo Yuzhnogo Nauchnogo Tsentra RAN.
- Krinko, E.F., Tazhidinova, I.G., Khlynina, T.P. 2013. Chastnaya zhizn sovetskogo cheloveka v usloviyakh voyennogo vremeni: prostranstvo, granitsy i mekhanizmy realizatsii (1941–1945 gg.) [The private life of the Soviet man in the conditions of wartime: Space, borders and mechanisms of implementation (1941–1945)]. Rostov na Donu: Izdatel'stvo Yuzhnogo Nauchnogo Tsentra RAN.
- Lukov, G.D. 1960. Psikhologiya. (Ocherki po voprosam obucheniya i vospitaniya sovetskikh voynov) [Psychology. (Essays on the training and education of Soviet soldiers)]. Moscow: Voenizdat.
- Senyavskaya, E.S. 2001. Povsednevnost rossiyskoy armii v voynakh XX veka: ponyatiye, struktura i psikhologiya frontovogo byta [Everyday Life of the Russian Army in the Wars of the twentieth century: the concept, structure and psychology of front-line life]. In: *Chelovek v rossiyskoy povsednevnosti* [A Man in Russian Everyday Life]. Sb. stat. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet servisa.
- Senyavskaya, E.S. 2009. Povsednevnost frontovogo byta russkoy armii v voynakh XX v. [The everyday life of the front-line life of the Russian army in the wars of the twentieth century.]. In: *Voyennyy faktor v rossiyskoy istorii v XVIII – XX vekakh: sb. statey mezhdunar. nauchn. konfer.* [The Military factor in Russian History in the XVIII–XX Centuries], 11–17. Tambov: Izdatelstvo Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta.
- Senyavskaya, E.S., Senyavskiy, A.S., Zhukova, L.V. 2017. Chelovek i frontovaya povsednevnost v voynakh Rossii KhKh veka: ocherki po voyennoy antropologii [Man and frontline everyday life in the wars of Russia of the twentieth century: essays on Military Anthropology.]. Moscow: IRI RAN; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

- Senyavskiy, A.S. 2009. Frontovaya povsednevnost v KhKh v.: teoretiko-metodologicheskiye problemy [Frontline everyday life in the twentieth century: theoretical and methodological problems]. In: *Voyennyy faktor v rossiyskoy istorii v XVIII – XX vekakh: sb. statey mezhdunar. nauchn. konfer.* [The Military factor in Russian History in the XVIII-XX Centuries], 3–7. Tambov: Izdatelstvo Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta.
- Senyavskiy, A.S., Senyavskaya, E.S. 2010. *Voyennaya povsednevnost kak predmet istoricheskogo issledovaniya: teoretiko-metodologicheskiye problemy* [Military Everyday Life as a subject of historical research: theoretical and methodological problems]. In: *65 let Velikoy Pobedy: v 6 t.* [65 years of the Great Victory]. Moscow: MGIMO-Universitet. T. 3. *Pobeda*. 197–211.
- Tazhidinova, I.G. 2010. *Tsenost veshchey: izmereniye voyennogo vremeni* [The value of things: a Wartime dimension]. In: *Problemy rossiyskoy istorii. Vyp. X.* Moscow-Magnitogorsk: Magnitogorskiy gosudarstvennyy universitet. 487–504.